На правах рукописи

Чапчиков Сергей Сергеевич

САМОУПРАВСТВО: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Курск – 2026

Работа выполнена в ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Научный руководитель доктор юридических наук, профессор
Шевелева Светлана Викторовна

Официальные оппоненты: **Букалерова Людмила Александровна,**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», кафедра частного права, профессор кафедры

Куфлева Валентина Николаевна,
доктор юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», кафедра уголовного права и криминологии, доцент кафедры

Ведущая организация ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Защита диссертации состоится «26» декабря 2026 г. в 13 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.2.435.03 на базе ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» и на сайте https://swsu.ru/upload/iblock/66b/p45s4dmd9mkg3f6bzsurbrehrg8ncs79/Dissertatsiya-S.S.-CHapchikov.pdf

Автореферат разослан «____» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Позднякова Елена Владимировна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) выступает гарантом того, что человек, его права и свободы являются высшей социальной ценностью (ст. 2), а также закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). При этом осуществление указанных прав не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17)[1]. Данное конституционное положение предопределяет возможность осуществления гражданами своих прав и свобод исключительно в рамках действующего законодательства.

Несовершенство правового регулирования общественных отношений в сфере защиты гражданских прав[2] формирует в массовом сознании ложное преставление о допустимости защиты своих прав и разрешения имущественных конфликтов фактически любыми способами. Современные социально экономические и политические реалии обуславливают появление значительного числа субъектов, стремящихся разрешать споры в неюрисдикционном порядке, нередко прибегая к противоправным, в том числе насильственным действиям. Участники таких отношений в нарушение установленного законом порядка совершают самоуправные действия с целью восстановления своих мнимых или действительно нарушенных прав. Как правило, такие действия связаны с неправомерным завладением, удержанием или повреждением имущества, принадлежащее потерпевшему, в результате чего самоуправные действия приобретают форму уголовно наказуемых деяний.

Самоуправство исторически выступает одним из распространенных противоправных способов принудительной реализации субъективных интересов. В отличие от многих других преступлений, виновный нередко воспринимает собственные действия как восстановление справедливости, возврат долга, защиту имущества или осуществление принадлежащего ему права. При этом вместо обращения в правоохранительные органы, суд, органы принудительного исполнения или иные уполномоченные государственные органы, лицо самостоятельно определяет содержание

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 27. Ст. 4196.

[2] См.: статья 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

своего права, пределы его осуществления и способы принуждения другой стороны. Поэтому самоуправство следует рассматривать как криминальную форму разрешения социального или гражданско-правового конфликта. Особую общественную опасность представляют насильственные формы самоуправства. Применение насилия или угрозы его применения переводит посягательство из исключительно имущественной сферы в сферу защиты личности, создавая угрозу для жизни и здоровья человека. Учитывая высокую распространенность подобных конфликтов, требуется разработка комплексной системы эффективных мер предупреждения данного преступления.

Согласно статистическим данным, число зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[3], составило: в 2016 году - 2566, в 2017 году - 2212, в 2018 году - 1954, в 2019 году - 1858, в 2020 году - 1638, в 2021 году - 1513, в 2022 году - 1261, в 2023 году - 1023, в 2024 году - 936, в 2025 году - 800[4]. При этом количество ежегодно поступающих в органы внутренних дел сообщений о данном преступлений кратно превышает показатели официальной регистрации. Так, за анализируемый период зафиксировано следующее количество таких обращений: в 2016 году - 199172, в 2017 году - 221649, в 2018 году - 223350, в 2019 году - 231272, в 2020 году - 222217, в 2021 году - 227339, в 2022 году - 227345, в 2023 году - 238686, в 2024 году - 239611, в 2025 году - 216545[5]. Таким образом, несмотря на снижение числа официально зарегистрированных преступлений, общий объем поступающих в правоохранительные органы сообщений о самоуправстве остается на стабильно высоком уровне.

Приведенные данные наглядно указывают на системные проблемы профилактики, выявления, уголовно-правовой квалификации и расследования самоуправства. Это обусловлено сложной социально-правовой природой исследуемого деяния, деструктивным характером его проявлений и латентностью. Действующая правоприменительная практика испытывает острую потребность в современном научно-теоретическом

[3] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[4] См.: Сводный отчет по России (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме № 491 (1-ЕГС) «Единый отчет о преступности». Электронный ресурс. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics

[5] См.: Сведения о рассмотрении органами внутренних дел сообщений о преступления (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме № 2-Е (МВД). Электронный ресурс. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics

обеспечении, раскрывающем криминологическую характеристику самоуправства, а также в выработке доктринально обоснованной системы мер его предупреждения.

Изложенные обстоятельства предопределяют актуальность комплексного исследования проблем предупреждения самоуправства, а также его высокую научно-теоретическую и практическую значимость.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования характеризуется наличием фундаментальных теоретических трудов, посвященных различным аспектам анализа преступного поведения, механизмам его детерминации, а также общим принципам предупреждения преступности.

Вопросы уголовно-правовой квалификации самоуправства и его места в системе преступлений против порядка управления подробно исследованы в работах Г.А. Агаева, С.У. Ванеева, Е.В. Витман, Н.А. Егиазарян, В.И. Капканова, А.В. Кошкина, Е.С. Пинягиной и И.П. Титенкова. В контексте разграничения смежных составов преступлений, сопряженных с противоправным принуждением или неправомерными действиями по возврату задолженности, существенное значение имеют труды И.В. Власовой и Е.И. Дубова. Криминологические факторы детерминации самоуправных действий и меры их предупреждения исследовались в исследованиях С В. Артюшкиной, А.П. Биньковского и И.К. Суркова. Межотраслевые аспекты соотношения самоуправных действий с гражданско-правовыми институтами самозащиты гражданских прав, а также с неюрисдикционными способами разрешения имущественных споров и исполнения обязательств нашли отражение в работах Ю.В. Зуевой, Е.Б. Казаковой и О.Г. Лазаренковой.

Признавая фундаментальное теоретическое значение трудов указанных авторов, следует констатировать, что большинство диссертационных исследований, посвященных непосредственно проблематике самоуправства, проводились в период с 2003 по 2012 год и носили преимущественно уголовно правовой характер. На современном этапе развития отечественной правовой доктрины отмечается очевидная недостаточность самостоятельных комплексных исследований, направленных на системный криминологический анализ специфики и предупреждения самоуправства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с совершением самоуправных действий и их предупреждением.

Предметом исследования являются теоретико-методологические основы установления социально-правовой природы и криминологической сущности самоуправства, характеристики состояния данного преступления, личности преступника, ситуации его совершения, особенности детерминации, а также комплекс мер предупреждения самоуправства.

Цель исследования заключается в получении нового комплексного научного знания о криминологической характеристике самоуправства и формировании на его основе предложений по совершенствованию системы мер его предупреждения.

Для достижения указанной цели решены следующие **задачи**:

1) выработаны теоретико-методологические основы исследования самоуправства;

2) представлена характеристика общественной опасности самоуправства и его места в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации;

3) представлена качественно-количественная характеристика состояния самоуправства;

4) установлена характеристика личности преступника, совершающего самоуправство;

5) выявлены объективные и субъективные факторы детерминации самоуправства;

6) установлена характеристика ситуации совершения самоуправства;

7) определены направления совершенствования общесоциальных мер предупреждения самоуправства;

8) предложены специально-криминологические меры предупреждения самоуправства;

9) разработаны индивидуальные меры предупреждения самоуправства.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет диалектический метод познания, в соответствии с которым самоуправство изучается как динамическое социально-правовое явление, находящееся в неразрывной связи с эффективностью функционирования правоприменительных институтов и уровнем правосознания общества.

Теоретические положения диссертации сформулированы на основе применения общенаучных методов анализа, синтеза, индукции, дедукции, абстрагирования и конкретизации. Посредством системного и структурно функционального подходов определено место самоуправства в общей структуре преступности, а также раскрыта внутренняя организация и взаимосвязь уровней системы предупреждения данного деяния. Применение деятельностного и конфликтологического подходов позволило исследовать механизм преступного поведения как противоправную стратегию разрешения имущественного спора и определить этапы его криминальной трансформации.

Специфика объекта и предмета исследования обусловила необходимость интеграции частнонаучных методов познания. Историко-правовой метод использован при анализе генезиса нормативного конструирования самоуправства и эволюции мер противодействия ему. Формально-логический и логико-семантический методы применены в процессе конструирования дефиниций, раскрытия теоретического содержания признаков состава преступления, предусмотренного статьей 330 УК РФ, а также при определении правовых границ исследуемого криминологического явления и его отграничения от институтов правомерной самозащиты гражданских прав и смежных административных правонарушений.

Статистические методы (включая приемы группировки и анализа динамических рядов) использованы при обработке количественных и качественных показателей для фиксации состояния, структуры и динамики самоуправства с учетом объективной неполноты официальных статистических данных. Методы криминологической классификации и типологизации выступили средством систематизации эмпирического материала, сведений о социально-демографических, психологических и правовых свойствах личности преступника и жертвы при построении их криминологических профилей.

Социологические методы (контент-анализ, дискурс-анализ, экспертные опросы) реализованы для установления характеристик латентных проявлений самоуправства, а также при обосновании мер превентивного воздействия. Методы криминологического моделирования и прогнозирования применены при разработке перспективных направлений совершенствования системы предупреждения исследуемого вида преступного поведения.

Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные научные труды отечественных авторов в области криминологии, уголовного, гражданского и административного права, криминалистики, а также общей теории государства и права.

Теоретические основы исследования детерминации противоправного поведения, системного анализа преступности и принципов предупреждения преступлений сформированы на базе трудов Г.А. Аванесова, Ю.М. Антоняна, М.М. Бабаева, Л.А. Букалеровой, Я.И. Гилинского, М.А. Желудкова, А.Н. Игнатова, М.И. Ковалева, Ю.Ю. Комлева, В.Н. Кудрявцева, В.Н. Куфлевой, С.Я. Лебедева, В.В. Макарова, А.В. Маркина, И.М. Мацкевича, К.И. Петухова, Ю.Е. Пудовочкина, С.П. Степкина, С.В. Шевелевой, В.Е. Эминова, А.В. Яшина.

Проблемы латентности преступности, виктимологического моделирования и ситуационного анализа, имеющие определяющее значение для комплексной характеристики самоуправства, нашли отражение в исследованиях Р.М. Акутаева, В.А. Ананича, К.В. Вишневецкого, В.И. Задорожого, Н.В. Исаева, Ю.Ф. Каменецкого, Е.А. Коваленко, И.М. Комарова, С.А. Корягиной, Д.А. Корецкого, В.В. Лунеева, В.В. Назарова, С.А. Назарова, В.А. Плешакова, В.И. Полубинского, Д.В. Ривмана.

Межотраслевые аспекты исследования, связанные с функционированием гражданско-правового института самозащиты прав, неюрисдикционными и принудительными механизмами осуществления прав и исполнения обязательств, основаны на теоретических положениях, содержащихся в работах Ю.Н. Андреева, Д.Х. Валеева, И.И. Макарова, Н.М. Чепурновой и Т.В. Ярошенко.

Криминологические и правовые основы деятельности органов внутренних дел, прокуратуры и иных институтов по профилактике правонарушений, использованию мер официального предостережения и минимизации криминогенных угроз составили труды А.Н. Варыгина, Э.А. Мамонтовой, Т.Ю. Михеевой, Е.В. Поздняковой, А.П. Титаренко, М.А. Яковлевой.

Правовую основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской

Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также 9 профильное федеральное законодательство, регулирующее общественные отношения в сфере защиты гражданских прав и осуществление превентивной деятельности, в том числе: федеральные законы от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», а также иные подзаконные нормативные правовые акты, включая постановления Правительства Российской Федерации.

Эмпирическую базу исследования составили:

1) статистические сведения Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее - ГИАЦ МВД России) за период 2016–2025 гг. в сфере состоянии преступности: статистические отчеты по форме № 491 (1-ЕГС) «Единый отчет преступности»;

2) статистические сведения ГИАЦ МВД России за период 2016–2025 гг. о лицах, совершивших преступления: статические отчеты по форме № 429 (2-ЕГС) «Сведения о лицах, совершивших преступления»;

3) статистические сведения ГИАЦ МВД России за период 2016–2025 гг. о рассмотрении органами внутренних дел сообщений о преступлениях: статистические отчеты по форме № 2-Е (МВД) «Сведения о рассмотрении сообщений о преступлениях»;

4) статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости в Российской Федерации за период 2016–2025 гг.;

5) результаты изучения материалов 141 уголовного дела по преступлениям, предусмотренным статьей 330 УК РФ, рассмотренных судами Российской Федерации в период с 2016 по 2025 г.;

6) результаты опроса 206 сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, (в том числе опрошенных - 109 следователей и 97 дознавателей);

7) результаты контент-анализа и дискурс-анализ репрезентативных информационных ресурсов органов публичной власти, материалов средств

массовой информации и контента информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по теме исследования.

Научная новизна исследования заключается в разработке криминологической концепции самоуправства, позволившей сформировать целостное научное представление о социально-правовой природе данного деяния, его криминологической характеристике и системе мер предупреждения. Использование авторского теоретико-методологического подхода к исследованию самоуправных действий позволило установить специфику их проявлений, закономерности детерминации и ситуационные особенности совершения таких действий. Уточнена криминологическая характеристика личности лица, совершающего самоуправство, раскрыта специфика его мотивационной сферы. Установлен и систематизирован комплекс объективных и субъективных факторов детерминации самоуправства, а также выявлена прямая связь между недостатками правоприменительной практики и дефектами правосознания участников имущественных и иных правоотношений. Разработана криминологическая характеристика ситуации совершения самоуправства, установлены закономерности ее формирования и реализации, что в комплексе с научным знанием о личности преступника и детерминации его преступного поведения позволило представить типовые модели механизма совершения самоуправства. Научную новизну конкретизирует разработанная автором многоуровневая система общесоциальных, специально криминологических и индивидуальных мер предупреждения данного преступления.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **основные положения, выносимые на защиту**:

1. На основе авторского многоуровневого междисциплинарного методологического подхода, интегрирующего нормативную, фактическую и криминологическую познавательные модели, установлена социально-правовая природа самоуправства как криминального феномена, определяющая необходимость рассматривать его в качестве исторически сложившейся и устоявшейся самостоятельной криминальной практики разрешения имущественных споров и противоправной реализации собственного имущественного интереса или интересов третьих лиц.

2. Обоснована необходимость изменения законодательного подхода к систематизации уголовно-правовой нормы о самоуправстве и ее переноса в главу 21 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против собственности». Данное решение обусловлено исключительно

имущественным характером самоуправных действий, которые не затрагивают вертикальные (субординационные) отношения в сфере государственного управления, а нарушают установленный порядок осуществления вещных и обязательственных прав субъектов гражданского оборота, посягая на право собственности иных лиц. Изменение родового объекта позволит точнее отразить направленность посягательства, обеспечить приоритетную охрану права собственности, повысить качество квалификации деяния и снизить уровень его латентности.

3. Состояние самоуправства характеризуется имеющими место на фоне снижения количества регистрируемых преступлений тенденциями уменьшения количества выявленных лиц, совершивших преступления и доли предварительно расследованных деяний, а также тенденцией возрастания доминирующей в структуре самоуправства доли его насильственного вида. Установлено, что в суды направляются уголовные дела лишь по каждому четвертому зарегистрированному факту самоуправства, а осуждается только каждое второе выявленное лицо. Указанное свидетельствует о наличии трудностей в деятельности органов внутренних дел по выявлению и расследованию данного преступления. Два из трех преступлений остаются латентными, что обусловлено правовыми и организационными дефектами преимущественно правоприменения.

4. Специфика мотивационной структуры личности преступника, заключается в том, что в основе его поведения лежит субъективно воспринимаемая потребность в восстановлении действительного или предполагаемого права (как собственного, так и третьих лиц) и убежденность в легитимности своих притязаний. При этом самоуправство совершается как устойчиво криминализированными лицами, так и лицами, которые в условиях конкретной конфликтной ситуации избирают незаконный способ реализации субъективного права.

5. Ключевыми детерминантами самоуправства выступают нормативная неопределенность границ правомерной самозащиты гражданских прав и несовершенство уголовно-правовой регламентации ответственности за самоуправство, порождающие проблемы правоприменительной практики и способствующие формированию на массовом уровне дефектов правосознания граждан, включая установку на допустимость использования неюрисдикционных и принудительных способов одностороннего разрешения имущественных споров.

6. Механизм совершения самоуправства представлен двумя моделями:

- ситуационно-конфликтная модель - характеризуется возникновением умысла непосредственно в ходе конфликта или внезапно сложившейся ситуации; переход к изъятию или удержанию имущества обусловливается отказом потерпевшего выполнить требование, оспариванием притязания, уклонением от исполнения обязательства или иным конфликтным поведением; самоуправство при данной модели имеет преимущественно реактивный характер, выступает результатом эскалации непосредственного взаимодействия виновного и потерпевшего и отличается высокой вероятностью применения насилия;

- инструментально-принудительная модель - характеризуется принятием решения о самовольной реализации действительного или предполагаемого права до начала непосредственных преступных действий; изъятие или удержание имущества заранее избирается виновным в качестве средства взыскания долга, получения платы или компенсации, обеспечения исполнения обязательства, защиты интересов третьих лиц либо иного принуждения потерпевшего; этой модели свойственны целенаправленность действий, возможность предварительной подготовки, выбора благоприятной обстановки и привлечения соучастников.

Выделение указанных моделей обладает высоким прогностическим потенциалом и ориентирует правоохранительные органы на дифференцированное применение мер предупреждения самоуправных посягательств.

7. Определены концептуальные основы предупреждения самоуправства, направленные на нивелирование межотраслевого дисбаланса между охранительными институтами публичного права и регулятивными нормами частного права. В целях повышения превентивного потенциала правовых и правоприменительных средств обоснована необходимость реализации комплекса мер:

- нормативного закрепления в гражданском законодательстве императивного запрета на ограничение правомочий собственника в порядке самозащиты гражданских прав вопреки его воле, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом;

- законодательной конкретизации конструктивных признаков диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за самоуправство, в части ограничения оценочного

характера признаков самого деяния и его общественно опасных последствий;

- построения организационно-управленческой модели цифрового правового просвещения населения на базе интеграции государственного портала «ВПРАВЕ.РФ» с Единым порталом государственных услуг в сочетании с развитием институтов досудебной медиации и бесплатной юридической помощи.

8. Сконструирован межведомственный механизм предупреждения самоуправства, направленный на двухуровневую нейтрализацию детерминант преступного поведения, своевременное выявление криминогенных рисков на ранних стадиях и недопущение трансформации гражданско-правовых деликтов в уголовно наказуемые деяния. На информационно-аналитическом уровне предусмотрена интеграция потенциала предиктивного анализа (на базе единой цифровой платформы) ведомственных цифровых массивов ГИАЦ МВД России, ГАС «Правосудие» и ФССП России в целях раннего выявления признаков криминогенной эскалации имущественных споров. На правоприменительном уровне разработана система оптимизации превентивных механизмов, включающая:

- регламентацию обязанности судов по незамедлительному направлению в правоохранительные органы материалов, содержащих признаки противоправного принуждения, установленных в ходе гражданского или арбитражного судопроизводства;

- нормативное закрепление обязанности органа предварительного расследования выносить официальное уведомление о недопустимости самоуправных действий, выступающего обязательным приложением к постановлению об отказе в возбуждении уголовного дела по фактам имущественных конфликтов;

- расширение практики применения сотрудниками ФССП России мер административной и уголовно-правовой юрисдикции;

- более активную реализацию надзорных полномочий прокуратуры и мер реагирования в отношении должностных лиц органов внутренних дел и ФССП России в целях пресечения фактов несвоевременного и ненадлежащего реагирования на первичные обращения граждан.

9. Разработан комплексный подход к индивидуальному предупреждению самоуправства, направленный на нейтрализацию деформаций правосознания и криминогенной мотивации участников

конфликта посредством дифференцированного, в зависимости от доминирующих субъективных факторов детерминации преступного поведения и стадий конфликта, применения превентивных мер (профилактики, содействия, ограничения, контроля, стимулирования), а также использования информационных карт безопасного поведения участников имущественного спора и содействия реализации процедур досудебного примирения.

В рамках предложенного подхода обосновано доктринальное положение, согласно которому сознательное игнорирование лицом официального предостережения о недопустимости совершения правонарушений и продолжение им противоправных действий выступают юридическим критерием, опровергающим доводы субъекта о добросовестном заблуждении относительно наличия у него законного права. Указанный критерий позволяет достоверно устанавливать признаки субъективной стороны состава преступления, разграничивая уголовно наказуемое самоуправство и смежные гражданско-правовые деликты.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии криминологического учения о самоуправстве как самостоятельной форме преступного поведения, возникающей на стыке уголовно-правовых, административно-правовых, гражданско-правовых, социально-психологических и организационно-управленческих отношений. Сформулированные в работе выводы вносят вклад в развитие криминологии и иных смежных отраслей юридической науки, расширяя доктринальные представления о социально правовой природе самоуправства, его объекте, механизме совершения, факторах детерминации, личности преступника, роли жертвы и особенностях криминогенной ситуации. Полученные результаты способствуют уточнению места самоуправства в системе преступлений, связанных с незаконной реализацией имущественных интересов, и имеют значение для дальнейшего развития криминологической теории предупреждения преступности, уголовно правовой доктрины об объекте преступления, а также теории детерминации и механизма преступного поведения.

Разработанные автором модели механизма совершения самоуправства могут быть использованы в последующих научных исследованиях насильственной, имущественной и ситуационной преступности, а также способствуют развитию методологии криминологии в части типизации преступлений. Научные выводы о специфике

детерминации самоуправства углубляют научные представления о влиянии правовой неопределенности, дефектов правоприменения, процессов цифровизации, деформации правосознания и виктимологического фактора на формирование криминальной мотивации и механизм преступного поведения. Тем самым исследование создает теоретическую основу для дальнейших научных изысканий в сфере уголовно правовой и криминологической охраны участников имущественных отношений от преступных посягательств.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его выводов и предложений в следующих сферах:

- в правотворческой деятельности - при совершенствовании норм уголовного законодательства, в части изменения систематизации, оптимизации санкций и конкретизации признаков состава преступления, предусмотренного статьей 330 УК РФ, а также при совершенствовании гражданско-правового регулирования пределов самозащиты гражданских прав;

- в правоприменительной деятельности правоохранительных и иных государственных органов - при разработке ведомственных нормативных правовых актов, методических рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию самоуправства (включая деяния, совершаемые с использованием цифровых технологий); при внедрении алгоритмов раннего выявления имущественных конфликтов, программ превентивного межведомственного взаимодействия, а также официальных предостережений о недопустимости совершения правонарушений;

- в профилактической деятельности – при реализации разработанного автором алгоритма индивидуальной профилактики самоуправства, механизмов досудебного урегулирования споров, оказания квалифицированной юридической помощи и минимизации рисков виктимного поведения потенциальных потерпевших;

- в образовательной и научно-методической деятельности - при преподавании курсов криминологии, уголовного права, криминалистики, профильных спецкурсов по предупреждению преступлений и административных правонарушений; при подготовке учебных и методических пособий, лекционных курсов и программ повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена его методологической обоснованностью, основывающейся на

фундаментальных положениях теории уголовного права и криминологии, а также комплексным применением апробированных методов познания. Достоверность выводов подтверждается опорой на репрезентативную эмпирическую базу, привлечением широкого круга нормативных правовых актов, монографических и диссертационных исследований, а также сопоставлением полученных результатов с результатами смежных отраслевых исследований.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в 9 научных статьях, 6 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (общий объем – 6,3 п. л.). Результаты исследования докладывались и обсуждались на научно практических конференциях различного уровня: международных научно практических конференциях «Уголовная политика и культура противодействия преступности» памяти профессора В. Е. Квашиса (г. Краснодар, 2024, 2025 гг.), «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра» (г. Санкт-Петербург, 2025, 2026 гг.), «Актуальные проблемы уголовно-правовой науки в современных условиях» (г. Москва, 2026 г.); всероссийских научно-практических конференциях «Криминологическая политика и практика противодействия» 18 преступности памяти профессора кафедры В. А. Уткина (г. Москва, 2025 г.), «Региональные особенности противодействия организованной преступности и экстремизму» (г. Ставрополь, 2026 г.).

Результаты диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность, а также в учебный процесс Юго-Западного государственного университета.

Структура исследования определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается степень ее разработанности, определяются цель и задачи исследования, его объект и предмет, раскрывается его методологическая, эмпирическая, нормативная основы, научная новизна

полученных результатов, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования и о структуре диссертации.

Первая глава **«Самоуправство как объект криминологического исследования»** включает в себя три параграфа.

В первом параграфе «*Теоретико-методологические основы исследования самоуправства*» сформирована методологическая основа исследования, определены границы предметной области криминологического анализа и установлена социально-правовая природа самоуправства.

Соискателем обосновано, что ограничение исследования рамками формально-юридического подхода не позволяет в полной мере установить причины воспроизводства самоуправных деяний. Полное осмысление рассматриваемого преступления потребовало реализации междисциплинарного интегративного подхода, позволившего объединить в единую систему философский (диалектический подход, принцип историзма), общенаучный (системный, деятельностный, структурно-функциональный, ситуационный и институциональный подходы) и криминологический (конфликтологический и виктимологический анализ, методы типологизации и моделирования) уровни познания. Внедрение указанного инструментария и разграничение нормативной, фактической и криминологических моделей самоуправства позволили соотнести абстрактные требования правовой определенности со сложной социальной реальностью и раскрыть социально-правовую природу самоуправства как криминального феномена.

На основе реализации указанного авторского подхода самоуправство изучено не в рамках его ограниченного понимания как специфического посягательства на установленный порядок управления, а как самостоятельной криминальной практики разрешения имущественных споров и межличностных конфликтов.

Во втором параграфе *«Общественная опасность самоуправства и его место в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации»* осуществлен историко-правовой и теоретический анализ генезиса ответственности за самоуправные действия, определена специфика его объекта, параметры общественной опасности и осуществлено

сопоставление места данного преступления в структуре уголовного закона с его социально-правовой природой.

Установлено, что самоуправство исторически выступает одним из распространенных преступных способов принудительной реализации субъективных интересов. Общественная опасность самоуправства определяется тем, что самовольные действия лица причиняют существенный вред различным объектам уголовно-правовой охраны, обладающим высокой социальной ценностью (отношениям собственности, интересам правосудия, установленному законом порядку совершения определенных действий, а также жизни и здоровью человека). На основе комплексного анализа правоприменительной практики выявлено существенное расхождение между содержательными характеристиками самоуправства, определяемыми его социально-правовой природой, и устоявшимися в уголовно-правовой доктрине подходами к определению объекта данного посягательства.

На основе анализа исторической эволюции отечественного законодательства и правоприменительной практики доказан имущественный характер исследуемого деяния. Социально-правовая сущность самоуправства заключается в противоправной реализации виновным собственного имущественного интереса либо интересов третьих лиц посредством осуществления мнимого (предполагаемого) права на имущество либо действительного права способом, нарушающим право собственности (правомочия владения, пользования, распоряжения) иных лиц. Соответсвенно, самоуправство посягает не столько на субординационные отношения в сфере государственного управления, сколько нарушает законодательно регламентированный порядок осуществления вещных и обязательственных прав субъектов гражданского оборота вопреки установленному порядку разрешения споров. С учетом изложенного обоснована теоретическая необходимость и практическая целесообразность размещения нормы, устанавливающей ответственность за самоуправство в главе 21 УК РФ «Преступления против собственности» с целью обеспечения приоритетной правовой охраны отношений собственности.

В третьем параграфе *«Качественно-количественная характеристика состояния самоуправства»* на основании комплексного анализа статистических показателей регистрации преступности и судимости, а также результатов авторского репрезентативного эмпирического

исследования дана целостная криминологическая оценка качественных и количественных характеристик состояния самоуправства.

Установлено, что при снижении количества преступлений, предусмотренных статей 330 УК РФ, уголовные дела и материалы о которых находились в производстве на начало года или зарегистрированы в отчетном периоде, на 65,9% за последние 10 лет, состояние самоуправства характеризуется следующими негативными тенденциями, указывающими на снижение эффективности правоприменительной практики. Снижается доля регистрируемых в отчетном периоде преступлений при стабильно высокой доле преступлений прошлых лет (минимум каждое четвертое преступление). Более высокими темпами по сравнению с общими показателями преступлений снижается число выявленных лиц, совершивших преступления. Снижается доля предварительно расследованных преступлений (с 57,6% до 50,6%), расследуется только каждое второе преступление (55,0%). Остается стабильно высокой доля (25,7%) преступлений, уголовные дела о которых приостанавливаются, причем в абсолютном большинстве случаев (93,3%) в связи с тем, что лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено. Соискатель акцентирует внимание на том, что уголовные дела направляются в суд только по каждому четвертому выявленному случаю самоуправства (26,2%) или по каждому второму (47,5%) предварительно расследованному преступлению. Осуждается только каждое второе выявленное лицо, совершившее самоуправство (49,5%). В структуре исследуемого деяния преобладает совершение его с применением насилия или угрозы его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ) (55,7%), кроме этого имеет место тенденция постепенного увеличения доли данного вида самоуправства.

На основании экспертных оценок и математического расчета средневзвешенных величин определен уровень латентности самоуправства, составляющий 63,4%. Высокие показатели латентности носят структурный характер и обусловлены преимущественно правовыми и организационными дефектами правоприменения. К ним относятся: степень и качество правового регулирования общественных отношений; несовершенство норм законодательства, прежде всего гражданского, являющееся причиной формирования в массовом сознании иллюзии допустимости самоуправных действий и восприятия таких действий жертвой преступления как правомерных либо непреступных; влияние правовых факторов на

правоприменительную практику установления правомерности действий при самозащите гражданских прав, их разграничение от самоуправных действий и правой оценки последних; недостатки законодательной техники, имеющие место при конструировании статьи 330 УК РФ, которые в совокупности с организационными факторами детерминируют латентизацию самоуправства в результате его квалификации как непреступного поведения, иного преступления либо административного правонарушения. Организационные факторы связаны с ограниченностью ресурсного и кадрового потенциала правоохранительных органов, а также отсутствием необходимого методического обеспечения ведомств, в частности научно обоснованных методик выявления, раскрытия и расследования самоуправства.

Вторая глава **«Характеристика механизма совершения самоуправства»** включает в себя три параграфа.

В первом параграфе *«Характеристика личности преступника, совершающего самоуправство»* в рамках системно-структурного и статистического анализа сформирована криминологическая характеристика личности преступника, совершающего самоуправство, а также определены особенности мотивации его преступного поведения.

Установлено, что в гендерной структуре преобладают мужчины (88,4%), доля лиц женского пола составляет 11,6%, однако зафиксирован рост их удельного веса в структуре осужденных по статье 330 УК РФ с 11,2% до 15,3%. Центральной возрастной группой выступают лица в возрасте 30-49 лет (55,2%), доля лиц 25-29 лет составляет 18,3%, 18-24 лет – 14,6%, старше 50 лет – 10,8%, несовершеннолетних – 1,1%. Субъектами посягательства преимущественно являются граждане Российской Федерации (94,7%), являющиеся постоянными жителями местности совершения деяния (85,8%). Доля граждан государств-участников СНГ составила 4,4%, иных государств – 0,7%. Данные показатели подтверждают локализацию детерминант самоуправства внутри стабильных социальных групп и слабую связь состава со спецификой миграционных процессов.

Большинство лиц имеет среднее общее (36,6%), среднее профессиональное (32,3%) или высшее (17,2%) образование при фиксации устойчивого роста удельного веса лиц с высшим образованием (с 16,2% до 25,4%). В сфере занятости преобладают трудоспособные лица без определенного рода занятий (56,4%), рабочие (21,2%). Значительный удельный вес лиц, не состоящих в зарегистрированном браке (74,5%),

указывает на ослабление институциональных механизмов внешнего социального контроля.

Основная масса преступлений совершается в трезвом состоянии (84,6%) лицами, как впервые привлекаемыми к уголовной ответственности (49,6%), так и имеющими криминальный опыт (неснятую иди непогашенную судимость (33,8%) или юридически ранее не судимые (16,6%). Значимым показателем выступает рост доли группового совершения самоуправств (с 30% до 37%), что непосредственно связано с выбором насильственного способа реализации умысла. При этом психопатологический фактор не является доминирующим, наличие психологических аномалий, не исключающих вменяемость, зафиксировано лишь в 1,8% случаев. В структуре назначенных наказаний преобладает условное осуждение к лишению свободы (58,2%).

Доказано, что ключевым субъективным элементом механизма совершения самоуправства выступает специфическая деформация правосознания. Основным мотивом является субъективно интерпретируемая необходимость восстановления действительного или предполагаемого собственного имущественного права (38,2%) либо прав третьих лиц (18,2%). Самостоятельное криминологическое значение в мотивационной структуре занимают корыстные побуждения и стремление к возмещению вреда, понесенных затрат или удовлетворения своих потребностей, а также мотивы утверждения и самоутверждения. Таким образом, именно внутренняя убежденность субъекта в наличии у него права распоряжаться чужим имуществом по своему усмотрению выступает системообразующим фактором в механизме формирования самоуправных посягательств. Системное противоречие между внутренним восприятием обоснованности притязаний и объективной противоправностью избираемого способа их реализации подтверждается высоким уровнем последующего признания вины (87,3%) при сохранении первоначальной установки на правомерность своих требований.

Во втором параграфе *«Факторы детерминации самоуправства»* осуществлено комплексное исследование системы объективных и субъективных детерминант, обусловливающих совершение преступлений, предусмотренных статьей 330 УК РФ.

Доказано детерминирующее значение таких факторов, как: социально-экономическое неравенство и диспропорции в возможностях удовлетворения потребностей граждан, а также издержки, связанные с

реализацией судебной защиты и воспринимаемые субъектами в качестве препятствия для легальной защиты законных интересов; влияние политической ситуации и низкий уровень образования и культуры населения, детерминирующие развитие правового нигилизма; избыточность подзаконного регулирования при одновременном дефиците определенности границ правомерной самозащиты гражданских прав и высокой степени оценочности признаков диспозиции статьи 330 УК РФ; организационно-управленческие недостатки правоприменительной системы, выражающиеся в высокой служебной нагрузке на судей и некомплекте кадров органов внутренних дел, которые усугубляются недостаточностью методических рекомендаций по выявлению и расследованию самоуправства; информационные детерминанты, связанные с распространением в цифровой среде стереотипов неправомерного разрешения имущественных споров и несанкционированного доступа к персональным данным и конфиденциальной информации о деятельности физических и юридических лиц.

Обосновано, что субъективные факторы детерминации самоуправства обусловлены дефектами правосознания и ценностно-нормативной сферы личности преступника. Установлена криминогенная роль таких субъективных факторов, как: низкая правовая культура и деформация правосознания граждан; низкий уровень юридической грамотности и связанная с этим недооценка общественной опасности самоуправства; дефекты ценностных ориентаций и корыстная направленность личности; криминальная ориентация личности; субъективное восприятие ситуации конфликта; виктимологические факторы.

В третьем параграфе *«Ситуационный подход при исследовании самоуправства»* на основе комплексного анализа материалов правоприменительной практики выявлены пространственно-временные, ситуационные и виктимологические закономерности совершения исследуемого преступления, а также разработаны типовые модели механизма его реализации.

Установлено, что конфликт при самоуправстве разворачивается внутри привычной для участников микросоциальной среды и устойчивых горизонтальных связей ранее знакомых лиц, а предкриминальные связи порождают у виновного ложное убеждение в допустимости внеправового разрешения конфликта. Ключевая криминологическая закономерность состоит в том, что посягательство совершается в условиях, когда спор об

обязательствах, долге или имуществе не переводится сторонами в рамки легитимных процедур, а остается в плоскости личного взаимодействия, либо там, где на фоне личных взаимоотношений с жертвой у преступника возникает субъективное убеждение в наличии права требовать от нее выполнения обязательств, осуществлять принуждение, изымать или удерживать имущество.

Типичная ситуация совершения самоуправства носит преимущественно урбанизированный характер (78,7%) и характеризуется отсутствие очевидцев в 57,4% случаев. Наиболее распространенным местом посягательства выступает место жительства потерпевшего (45,4%, в том числе совместного проживания жертвы и преступника - 6,4%). Временные параметры отражают периоды максимальной социальной активности населения: интервал с 12:00 до 18:00 составляет 46,8%, с 18:00 до 00:00 - 36,2%.

Эмпирически доказано, что материальным выражением оспариваемого права (предметом посягательства) в 100% случаев выступает имущество, в структуре которого преобладают денежные средства (60,3%) и гаджеты (21,3%). Действия виновных лиц направлены на изъятие или удержание (100%) имущества, с целью побуждения к надлежащему исполнению обязательств и оплаты работ или услуг (41,1%) либо оплаты долга (28,3%) как в интересах виновного, так и третьих лиц, без предварительных попыток урегулирования конфликта (54,5%) либо после предъявления устных требований о выполнении обязательств (45,5%), с применением насилия (38,3%) или угрозой применения насилия (21,3%).

Виктимологический анализ показал, что самоуправство является конфликтом, преимущественно развивающимся в рамках горизонтальных социальных связей между ранее знакомыми лицами (80,4 %, преимущественно ситуативное знакомство). Посягательства совершаются, как правило, в отношении одной жертвы (84,3 %), физического лица (98,6 %) мужского пола (72,5 %) в возрасте 30–49 лет (66,7 %). При этом поведение жертв характеризуется как правомерное в 56,7 % случаев (включая активное оспаривание требований виновного лица -31,4 %). Преступные последствия выражаются в причинении жертве имущественного (92,9 %) и физического (59,5 %) вреда, что обусловливает необходимость внедрения мер ситуационного и виктимологического предупреждения.

Обоснована целесообразность дифференциации двух моделей механизма реализации самоуправства: ситуационно-конфликтной (умысел возникает в процессе эскалации имущественного спора под воздействием непосредственного взаимодействия с жертвой - 45,5 %) и инструментально-принудительной (незаконный способ разрешения конфликта избирается виновным заранее - 43,6 %). Выделение указанных моделей обладает высокой прогностической ценностью и ориентирует правоохранительные органы на дифференцированное применение мер предупреждения самоуправных посягательств.

Третья глава **«Предупреждение самоуправства»** включает в себя три параграфа.

В первом параграфе *«Общесоциальные меры предупреждения самоуправства»* выработаны концептуальные основы развития системы предупреждения самоуправного поведения на общесоциальном уровне.

Соискателем предложен комплекс мер правового и организационного характера, направленных на повышение превентивного потенциала законодательства и минимизацию следственно-судебных коллизий, связанных с абстрактностью конструирования признаков состава преступления и отсутствием критериев оценки соразмерности самозащиты гражданских прав, а также мер по формированию правовой культуры населения.

Обосновано, что нормативное ограничение пределов самозащиты в гражданском праве, повышение уровня правовой культуры и грамотности населения, развитие информационных цифровых платформ и институтов медиации позволят снизить уровень криминогенности в частноправовой сфере. Изменение редакции статьи 330 УК РФ, уточнение объекта посягательства, конкретизация оценочных признаков, а также оптимизации санкции части 2 статьи 330 УК РФ позволят повысить регулятивно-охранительный потенциал уголовного закона, обеспечив точную квалификацию содеянного и индивидуализацию наказания, повышая эффективность общей и частной превенции уголовного закона. Данный комплекс мер способствует нивелированию деформации правосознания граждан и замещению самоуправных действий легальными механизмами урегулирования конфликтов.

С учетом обоснованного вывода о необходимости размещения нормы, устанавливающей ответственность за самоуправство в главе 21 Особенной части УК РФ, предложено на уровне рекомендаций высшей судебной

инстанции определить, что совершение самоуправных действий, направленных на самостоятельное осуществление действительного или предполагаемого права с применением насилия или угрозы его применения, полностью исключает возможность их признания правомерной самозащитой гражданских прав, поскольку насилие не может являться законным способом защиты частных интересов. Факт умышленного игнорирования лицом официального предостережения правоохранительных органов и продолжения им противоправных действий должен оцениваться судами в совокупности с другими доказательствами как обстоятельство, опровергающее доводы подсудимого о его добросовестном заблуждении относительно законности совершаемых действий.

Обосновано, что реализация предложенной автором организационно-управленческой модели цифрового просвещения населения на базе интеграции государственного портала «ВПРАВЕ.РФ» с Единым порталом государственных услуг в сочетании с развитием институтов досудебной медиации позволит минимизировать деформацию правосознания граждан и обеспечит замещение противоправных практик легальными механизмами разрешения имущественных споров.

Во втором параграфе *«Специально-криминологические меры предупреждения самоуправства»* определен межведомственный характер и осуществлена детализация мер специально-криминологического предупреждения самоуправства.

Соискателем обосновано, что специально-криминологическое предупреждение самоуправства представляет собой многоуровневую систему превентивной деятельности, эффективность которой обусловлена качеством координации и взаимодействия органов внутренних дел, Следственного комитета Российской Федерации, органов прокуратуры, суда и Федеральной службы судебных приставов. Определена ключевая роль органов внутренних дел как субъекта специально-криминологического предупреждения самоуправства при реализации ситуационно-конфликтной модели механизма его совершения. Акцентировано внимание на том, что эффективная реализации превентивной функции в деятельности органов внутренних дел возможна при надлежащем кадровом, ресурсном и методическом обеспечении.

В целях преодоления деструктивной правоприменительной практики, выражающейся в необоснованных отказах в возбуждении уголовных дел

под предлогом гражданско-правового характера спора, предложено нормативно закрепить обязанность вынесения официального предостережения о недопустимости самоуправных действий, выступающего обязательным приложением к копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Аргументирована необходимость интеграции информационно-аналитических ресурсов правоохранительных ведомств и органов судебной власти на единой цифровой платформе с применением алгоритмов предиктивного анализа, что позволит своевременно выявлять актуальные и латентные имущественные конфликты. Также необходимо дополнить ведомственные методические материалы алгоритмами расследования самоуправства, совершаемого с использованием цифровых технологий

Обоснована ключевая роль судов и Федеральной службы судебных приставов как субъектов специально-криминологического предупреждения самоуправства при реализации инструментально-принудительной модели механизма его совершения. Определена специфика предупредительного потенциала деятельности органов судебной власти, заключающаяся в необходимости активизации превентивных полномочий судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Доказано, что для оперативного пресечения противоправных действий на ранних стадиях процесса судам необходимо активнее задействовать механизм незамедлительного направления материалов в органы предварительного расследования при обнаружении в ходе заседаний признаков совершения или угрозы совершения самоуправных действий со стороны участников спора.

Установлено, что надлежащая и своевременная деятельность Федеральной службы судебных приставов минимизирует возможности нелегитимного изъятия имущества и риски совершения самоуправных действий. На основе критического анализа зарубежного опыта доказана криминологическая нецелесообразность введения института частных судебных исполнителей в Российской Федерации из-за высоких рисков эскалации силового давления на должников. Акцентировано внимание на необходимости активизации применения сотрудниками Федеральной службы судебных приставов мер административной и уголовно-правовой юрисдикции.

Обоснована необходимость усиления межведомственного взаимодействия органов внутренних дел, прокуратуры и Федеральной службы судебных приставов по выявлению и устранению причин и

условий, а также выявлению и пресечению фактов самоуправства. Важное значение имеет активное использование координационных и надзорных полномочий прокурора для проведения межведомственных проверочных мероприятий и принятия мер при выявлении факта несвоевременного реагирования должностных лиц правоохранительных органов на первичные заявления граждан о давлении со стороны кредиторов и иных проявлениях самоуправных действий.

В третьем параграфе *«Индивидуальные меры предупреждения самоуправства»* представлен механизм предупреждения самоуправства на индивидуальном уровне, включая его виктимологический компонент.

В результате исследования теоретических основ и правоприменительной практики индивидуального предупреждения самоуправства соискателе установлено, что ключевым объектом индивидуального профилактического воздействия должны выступать деструктивные дефекты правосознания и мотивационной сферы лица, обусловленные искаженным субъективным восприятием правомерности собственных действий и неспособностью разграничить легитимные способы защиты гражданских прав с уголовно наказуемыми деяниями.

Обосновано, что в основе эффективного механизма индивидуального предупреждения самоуправства лежит непрерывное, дифференцированное воздействие, содержание которого коррелирует со стадиями развития конфликта. Функциональная направленность превентивной деятельности уполномоченных субъектов (в первую очередь органов внутренних дел) предопределяет необходимость реализации механизма, последовательно сочетающего раннюю индивидуальную профилактику, содействие в законном разрешении конфликта, превентивное ограничение и контроль, а также стимулирование правомерного поведения.

Доказана необходимость системного сочетания мер убеждения, принуждения, оказания помощи и правового поощрения, выбор которых должен зависеть от доминирования субъективных факторов детерминации, стадий развития конфликта и модели механизма совершения самоуправства. Основным направлением модернизации данного механизма выступает смещение акцента с методов воздействия на инструменты оказания организационно-правовой помощи и убеждения. Содействие участникам конфликта в получении квалифицированной юридической помощи, разъяснение преимуществ примирительных процедур, а также осуществление виктимологического просвещения потенциальных жертв

позволяют нейтрализовать криминогенную мотивацию участников конфликта на допреступной стадии и не допустить формирования у них умысла на самовольное его разрешение.

Предложен алгоритм деятельности сотрудников органов внутренних дел (в первую очередь участковых уполномоченных полиции) на стадии ранней индивидуальной и виктимологической профилактики.

Обоснована целесообразность индивидуального превентивного воздействия как на потенциального преступника, так и на потенциальную жертву на основе внедрения информационных карт безопасного поведения. Данный документ правового информирования должен содержать пошаговые разъяснения о доступных внесудебных и судебных механизмах разрешения имущественных споров, а также координаты центров бесплатной юридической помощи и медиации. Подобный подход позволяет нейтрализовать криминогенную установку личности на противоправное урегулирование конфликта и одновременно исключает возложение на сотрудников полиции несвойственных им функций по гражданско-правовому консультированию граждан.

В **заключении** формулируются основные выводы и предложения теоретического и практического характера, определены перспективы дальнейшего научного поиска.

В **приложениях** представлены обобщенные результаты исследования материалов судебно-следственной практики, а также социологического исследования, проведенного диссертантом.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций:

1. Чапчиков, С.С. Актуальные проблемы защиты права собственности / С.С. Чапчиков // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 9 (112). – С. 86-89. (0,2 п.л.).

2. Чапчиков, С.С. Общественная опасность самоуправства / С.С. Чапчиков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2024. – Т. 14, № 5. – С. 143-151. (0,6 п.л.).

3. Чапчиков, С.С. Место самоуправства в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / С.С. Чапчиков // Юридическое образование и наука. – 2025. – № 3. – С. 40-45. (0,4 п.л.).

4. Чапчиков, С.С. Объективные факторы детерминации самоуправства / С. С. Чапчиков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 398-406. (0,6 п.л.).

5. Чапчиков, С.С. Субъективные факторы детерминации самоуправства / С.С. Чапчиков // Союз криминалистов и криминологов. – 2026. – № 2. – С. 164-171. (0,5 п.л.).

6. Чапчиков, С.С. Индивидуальные меры предупреждения самоуправства / С.С. Чапчиков / Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2026. – № 6. – С. 184–189. (0,4 п.л.).

Публикации в иных изданиях:

7. Чапчиков, С.С. Дефекты функционирования института самозащиты как социально-правовой фактор детерминации самоуправства / С.С. Чапчиков // Уголовная политика и культура противодействия преступности : Материалы Международной научно-практической конференции памяти профессора В.Е. Квашиса, Краснодар, 20 сентября 2024 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2024. – С. 429-433. (0,3 п.л.).

8. Чапчиков, С.С. Организационно-правовые факторы латентности самоуправства / С. С. Чапчиков // Криминологическая политика и практика противодействия преступности (памяти профессора кафедры В. А. Уткина) : Всероссийская научно-практическая конференция, 27 марта 2025 г. : сборник научных трудов / [сост. Е. Е. Колбасина]. – М. : Московский универси тет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. С. 477-482. (0,4 п.л.).

9. Чапчиков, С.С. Совершенствование уголовно-правовых мер предупреждения самоуправства / С.С. Чапчиков // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : Материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05-06 июня 2026 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2026. – С. 409-414. (0,3 п.л.).